

Анатолий Свенцицкий

Невидимые нити

Церковь, события, люди

Издательство
Московской Патриархии
Москва
2009

ББК 86-372
УДК 281.93
С24

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА*

*Моему дяде
протоиерею Валентину Свенцицкому
посвящаю*

По благословению моего духовного отца протоиерея Бориса Гузняка (1933–1996), говорившего мне: «Торопись, торопись! Все под Богом ходим! А воспоминания твои чрезвычайно интересны...»

Моя книга — это воспоминания о судьбе Русской Церкви и православного духовенства, о судьбе великой культуры и ее архитектурных и иконописных памятников.

Анатолий Свенцицкий

Свенцицкий А. Б.

С24 Невидимые нити: Церковь, события, люди. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. — 432 с., ил.

Анатолий Борисович Свенцицкий (1921–2007), племянник известного духовника и проповедника протоиерея Валентина Свенцицкого, прожил долгую жизнь, исповедуя православную веру в трудное для Церкви советское время. Книга повествует о жизни Церкви в СССР и содержит уникальные свидетельства автора, представителя творческой интеллигенции и старосты одного из московских храмов, — о церковных деятелях XX в. — новомучениках, духовенстве, верующих, а также о храмах и церковном искусстве.

В книгу вошли письма протоиерея Валентина Свенцицкого и его статья, которую он опубликовал, будучи священником в Белой армии.

© Издательство Московской
Патриархии, 2009
© А. Б. Свенцицкий, текст, 2009

ISBN 978-5-94625-322-2

От Издательства

Автор публикуемых ниже воспоминаний — Анатолий Борисович Свенцицкий (1921–2007) — родился в Москве в церковной семье. Его родным дядей по отцу был Валентин Павлович Свенцицкий († 1930), один из ярких деятелей русского религиозного возрождения начала XX века; став священником в тяжелом для России 1917 году, отец Валентин, благодаря своему замечательному таланту проповедника, делается известным в церковных кругах Москвы и привлекает к Церкви многих людей (см. о нем: Московский журнал, 1992, № 10). Во многом унаследовав художественный дар своего знаменитого дяди, А. Б. Свенцицкий избрал для себя путь служения искусству. Окончив Щепкинское театральное училище, он долгие годы работал в Малом театре, а затем стал солистом Москонцерта. В 1970 году ему было присвоено звание заслуженного артиста Литвы, в 1995 — заслуженного артиста России.

В течение всей своей жизни А. Б. Свенцицкий, подобно многим другим русским артистам, неизменно пребывал верным сыном Русской Православной Церкви. И вполне естественно, что, когда наша страна вступила в эпоху «больших перемен», Анатолий Борисович оказался среди тех верующих, которые активно участвовали в борьбе за возвращение Церкви отнятых у нее храмов. Неслучайно, что именно он встал во главе двадцатки возрождающегося прихода любимого храма своего детства — храма Успения Пресвятой Богородицы на Могильцах (Центральное благочиние Москвы), а 12 апреля 1992 года был избран старостой этого храма.

Тогда же он впервые появился на Погодинской, д. 20 — в редакции «Журнала Московской Патриархии». Но не только о своей битве за возрождение родного храма рассказывал нам Анатолий Борисович, надеясь на помощь церковных журналистов (в то время это не было редкостью); он пришел к нам и как автор своей первой статьи — некролога о выдающемся московском регенте Николае Васильевиче Матвееве, более сорока лет руководившем хором храма в честь иконы Божией Матери «Всех

скорбящих Радость» на Большой Ордынке — одним из лучших церковных хоров Москвы.

То было не лучшее время существования журнала: как раз с начала 1993 года проводился продолжавшийся около полутора лет эксперимент по выделению блока официальных материалов в отдельное периодическое издание, и первая работа Анатолия Борисовича (в соавторстве с протоиереем Борисом Гузьяковым; 1932—1996) вышла в этом новом печатном органе («Журнал Московской Патриархии. Официальная хроника». 1993. № 1. С. 63–64).

Уже тогда Анатолий Борисович поразил коллектив редакции своими рассказами — интересными не только содержанием, но и отточенной формой, артистизмом исполнения. Сразу было видно, что он — мастер этого жанра. Причем повествовал он отнюдь не только о перипетиях своей битвы за выселение из здания храма Успения на Могильцах незаконно занимавшего его Московского управления треста «Центромонтажавтоматика» (тогда эта битва только начиналась, успешно завершившись к концу 2000 года). Практически о любом церковном деятеле 1920–1990 годов он мог рассказать нечто новое, нигде не опубликованное и нам неизвестное. В рассказах Анатолия Борисовича перед нами проходила, по сути дела, вся история нашей Церкви в советский период ее существования.

Конечно, его повествованиям была присуща определенная специфика: как артист, человек художественной природы, он делал акцент главным образом на вопросах церковного искусства, и в первую очередь — на красоте богослужения, голосах священнослужителей, уровне хора, таланте регентов; об особенностях церковного пения в разных храмах и знаменитых певцах-протодиаконах он мог рассказывать часами. И такой эстетический подход никогда не является лишним в Церкви, ибо воспринимаемая нами красота есть отблеск высочайшей и совершеннейшей Красоты Бога. Красота храма, богослужения — это красота церковная, особенная, преобразующая, говорящая о спасительном и благодатном.

Еще более обрадовал нас Анатолий Борисович сообщением, что он многие из своих рассказов положил на бумагу, что он давно пишет воспоминания о церковной Москве минувших десятилетий и собирается их публиковать. Конечно, это не могло не заинтересовать редакцию. Ведь значение церковных мемуаров о времени почти полного замалчивания всего связанного с Церковью сейчас чрезвычайно велико. О жизни Церкви в те годы, о церковных деятелях, принадлежавших советской эпохе, — мы все еще знаем очень мало, а поиск сведений о них поныне чем-то походит на археологические раскопки. Поэтому мы сразу же попросили разрешения автора напечатать первые главы этих воспоминаний в «Журнале Московской Патриархии» и с воодушевлением взялись за подготовку публикации.

Тогда нам удалось опубликовать лишь начальные главы этой книги — они вышли в двух номерах журнала в рубрике «Церковь и интеллигенция» под заглавием «Воспоминания московского прихожанина» (1994. № 3. С. 129–139; № 4. С. 110–127). К сожалению, продолжения не последовало: подходила к концу и в том же году завершилась более чем тридцатилетняя эпоха, когда во главе журнала и Издательского отдела находился митрополит Волоколамский и Юрьевский Пителир, а при новом руководстве приоритеты официального органа Русской Православной Церкви несколько изменились.

Через три года Анатолий Борисович выпустил свои воспоминания отдельной книгой (*Свенцицкий А. Б.* Они были последними? М.: Издательский дом «Грааль», 1997). К сожалению, издание страдало характерными для 1990-х годов недостатками: низкое полиграфическое качество, слабая редакция, отсутствие справочного аппарата; к тому же его тираж был всего тысяча экземпляров.

Анатолий Борисович прожил еще 10 лет. Все это время он делал многочисленные правки и дополнения к своей книге, что и делает необходимым ее новое издание. Подготавливая это издание, мы стремились проверить все многочисленные, встречающиеся в книге фактические данные, хотя во многих случаях сделать это было чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно; поэтому мы будем благодарны читателям, указавшим на ошибки и предоставившим любую дополнительную информацию о лицах, которые упоминает в своей книге автор.

А. Б. Свенцицкий скончался 27 марта 2007 года. Итог его жизненного пути подведен в соболезновании Святейшего Патриарха Алексия II († 05.12.2008), которым лучше всего завершить настоящее предисловие.

Коллективу Москонцерта,
родным и близким
заслуженного артиста России и Литовской ССР
Свенцицкого Анатолия Борисовича

Дорогие братья и сестры!

Выражаю Вам глубокое соболезнование в связи с кончиной Анатолия Борисовича Свенцицкого, заслуженного артиста России и Литовской ССР.

Воспитанный в глубоко церковной православной семье, Анатолий Борисович всю свою жизнь верно служил классическому искусству и Русской Православной Церкви, используя знания и благочестие, которые он перенял от своих родителей и дяди — протоиерея Валентина Свенцицкого. Его жизненный путь был освящен благословением святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, и многими священнослужителями, впоследствии ставшими священномучениками.

Анатолий Борисович был ветераном войны и труда, артистом Государственного Малого театра, солистом Москонцерта, наизусть знавшим почти всю лирику Пушкина, Есенина, Блока, Бальмонта, Брюсова, Ахматовой и Цветаевой, донося до слушателей самых дальних уголков нашей огромной страны живое слово великой русской поэзии.

Последние годы жизни Анатолия Борисовича всецело были посвящены церковному возрождению. Благодаря его огромному труду и настойчивости, Церкви был возвращен храм Успения на Могильцах, возобновлены богослужения, начаты реставрационные работы.

С 2003 года он стал чтецом храма священномученика Климента в Замоскворечье. До своей последней болезни обучал молодежь московским традициям богослужебного чтения и пения, являя собой образец мужественного и самоотверженного служения Богу и Церкви.

Огромные и бескорыстные труды Анатолия Борисовича во славу Святой Церкви были отмечены высокой церковной наградой — орденом преподобного Сергия Радонежского III степени.

Разделяя Вашу печаль и скорбь, молюсь вместе с Вами, пребывая в твердой надежде, что Всемилостивый Господь упокоит почившего в селекции праведных, где нет ни болезней, ни печалей, ни воздыхания...

† Алексей, Патриарх Московский и всея Руси

Памяти Анатолия Борисовича

Анатолий Борисович Свенцицкий прожил долгую и прекрасную жизнь, оставив неизгладимый след в памяти всех тех людей, которые имели счастье жить, работать, просто общаться с ним.

Будучи всю свою жизнь человеком глубоко церковным, Анатолий Борисович много лет сотрудничал с Издательским Советом Русской Православной Церкви. Результатом стал выход этой книги, основанной на воспоминаниях очевидца, история жизни которого совпала с многострадальной историей Церкви и России XX века.

Когда думаешь о равнодушной и бесстрастной власти времени над всеми нами — сердце сжимается сознанием конечности личного бытия. Неумолимый закон природы прямо на наших глазах вырывает лучших людей из их яркой, талантливой и полнокровной жизни, переносит куда-то далеко, в область нашей памяти. Но самая хорошая память, передавая все точно, как фотографический отпечаток, не дает нам самого желанного и трепетного — тепла общения с живым, близким человеком, который рядом, к кому можно прикоснуться, услышать голос, заглянуть в глаза.

Уход из земной жизни человека незаурядного, талантливого, яркого наполняет душу горечью от сознания безвозвратности: еще одно горячее сердце, согревавшее нас добром и любовью, зашло за горизонт земного бытия в область невидимой нам Вечности.

Притупить горечь невосполнимой потери может только Вера, дающая надежду на нашу общую будущую встречу, — надежду, основанную на божественной и совершенной, личной и теплой, живой и бесконечной, животворящей любви Бога к человеку.

Анатолий Борисович Свенцицкий был одним из тех, кто своей яркой и цельной личностью соединял нас — нынешних «россиян» и старых, настоящих русских, — был как бы связующей нитью между нынешним поколением православных людей и целым пластом поколений ушедших.

Блистательный драматический актер, великолепный чтец и отличный знаток русской поэзии и музыки, историк, прекрасный рассказчик, выдающийся человек. Во всех своих проявлениях он был сольным артистом — не безликим человеком толпы, а личностью запоминающейся, в которую влюбляешься с первого взгляда и на всю жизнь.

Анатолий Борисович был человек известный в широких интеллигентских кругах Москвы. Сын профессора из старинной польско-русской дворянской семьи, он объездил весь Советский Союз с гастролями: во время Великой Отечественной войны как артист Малого театра, а впоследствии — как выдающийся чтец русской поэтической классики. Он сочетал в себе талант режиссера и исполнителя творений великих русских поэтов. В драматическом театре А. Б. Свенцицкий было сыграно более ста центральных ролей, затем была работа в концертных организациях и на гастроях. Глубокое понимание поэзии, драматургии и музыки делали его выступления яркими и запоминающимися. Они дали возможность советским людям открыть для себя Пушкина, Лермонтова, Есенина, Блока, Бальмонта, Ахматову, Цветаеву, а также лучшие произведения поэтов советского периода.

Творческий дар Свенцицкого раскрывался в еще большей полноте, когда он выступал вместе со своей супругой Ириной Васильевной Костровой, с которой они прожили более шестидесяти лет.

Ирина Васильевна стала самым верным другом и соратником Анатолия Борисовича в его борьбе за подлинное русское искусство и культуру, к ней в творческом плане он прислушивался больше всех, доверяя ей на суд самые сокровенные тайны своего личного восприятия поэзии, музыки, драматургии.

Название одной из глав предлагаемой читателю книги — «Невидимые нити». Это повествование о том, как тонкое веяние Святого Духа вплетается в ткань скоротечной человеческой жизни, осуществляя Божественный Промысл о человеке. Действие Божие открыто прежде всего верующему сердцу. Такое действие Всемогущего Бога во всех путях своей жизни постоянно чувствовал Анатолий Свенцицкий, достойно проживший свою долгую и славную жизнь, знавший лично множество святых мучеников и сам пронесший чистый пламень веры до последней минуты своего земного бытия.

Протоиерей Леонид Калинин,
настоятель храма сщмч. Климента в Замоскворечье,
внучатый племянник автора книги

Часть первая
Трудные годы

Детские впечатления

Воспоминания детства имеют интересную особенность: откладываясь в сердце и памяти, с течением времени они становятся ярче, наполняются новым смыслом, обогащаются последующим опытом, и, может быть, только в конце своего пути начинаешь понимать, какое важное значение для тебя имели события и люди, безвозвратно ушедшие, но живущие в тебе какой-то своею жизнью и уже неотделимые от тебя.

Я родился в 1921 году в Москве в семье научного работника Бориса Павловича Свенцицкого. Мой родной дядя — известный богослов, духовный и светский писатель, протоиерей Валентин Павлович Свенцицкий (1882—1931). С самой колыбели я оказался свидетелем событий церковной жизни начала 1920-х годов. Помню себя очень рано — с трех лет, а некоторые эпизоды можно отнести даже к более раннему младенчеству; но они встают передо мной, как будто все это случилось вчера.

Отец мой с детства был верующим человеком, правда, не вполне церковным. Последнему обстоятельству, очевидно, способствовало воспитание в семье: отец его, а мой дед Болеслав Павел Давид Карлович Свенцицкий (1832—1896) — поляк, католик, представитель старинного дворянского рода; бабка деда — Марианна Мицкевич, сестра отца Адама Мицкевича¹; мать деда — урожденная графиня Соломея Браницкая. Мать моего отца — Елизавета Федосеевна Козьмина (1852—1927) — родилась в семье русского обедневшего дворянина и украинки Юлии Ивановны (в девичестве Холгоненко), также дворянки. Она была сотрудницей А. Ф. Кони и стала первой в России женщиной — присяжным поверенным. Практиковала недолго: была вызвана из Казани, где жила с семьей, в Санкт-Петербург и по Высочайшему указу ей было запрещено выступать в суде присяжных — «за

¹ Мицкевич Адам (1798—1855) — поэт, основоположник польского романтизма, деятель национально-освободительного движения.

Родители
автора:
Борис Павлович
и Нина Андреевна
Свенцицкие.
Фото 1900-х гг.

красоту»¹. Запрещение быть присяжным поверенным коснулось на долгие годы и других женщин². Елизавета Федосеевна была женщиной-восьмидесятницей, далекой от религии и Церкви, хотя и православной.

Таким образом, от отца своего я унаследовал кровь польскую, литовскую, украинскую и русскую (упоминаю об этом в связи со своим родством с отцом Валентином Свенцицким, «дядей Валея», как я привык его называть: не все знают, что в нем, истинно православном богослове, бурлила кровь четырех национальностей).

Моя мать Нина Андреевна (урожденная Незым) в молодости была атеисткой, но после трагической гибели моего старшего брата Валентина (утонул в июле 1921 года, когда мне исполнилось всего три месяца), стала «церковницей», как в шутку называл ее отец. Мой дед по матери, Андрей Степанович Незым (1850–1933), коммерсант, наследственный запорожский казак, жил у нас в семье с 1924 по 1933 год и скончался в Москве. Был человеком верующим, посещал церковь, любил хор и торжественные службы. Свою бабушку по матери Веру Михайловну, урожденную купчиху Богданову (1844–1924), я не знал.

¹ Судя по стилю, это был Александр III, вердикты которого славились прямоотой, простотой и лаконичностью. Например, прошение С. Ю. Витте на брак с разведенной еврейкой украсила резолюция: «А хоть бы и на козе!»; а скандальная амурная история с испанским послом завершилась приказом: «Убрать эту свинью в 24 часа» (цит. по: *Ильин С. Витте. М., 2006. С. 99, 348*).

² Только в 1917 г. Временное правительство разрешило женщинам заниматься адвокатской практикой.

Дом на углу
Б. Левшинского
переулочка
и Смоленского
бульвара,
где жила семья
Свенцицких.
Фото 2008 г.

С самого раннего детства мама часто водила меня в церковь, но, как ни парадоксально, основам православной веры — догматам христианства, Евангелию, Священной истории, понятиям о Литургии — меня учил отец. Он часто вспоминал своего законоучителя в 3-й казанской гимназии (семья отца до переезда в Москву жила в Казани), впоследствии архиепископа Алексия (Молчанова), экзарха Грузии³; говорил, что в юности он во многом повлиял на его духовное развитие. Рассказы отца были необычайно поэтичны и красочны, и запомнил я их на всю жизнь.

Когда я начал себя помнить, мы жили в доме № 19а, в квартире 10 (на первом этаже) по Большому Левшинскому переулочку, на углу Левшинского и снесенного теперь Смоленского бульвара, среди благоухания высочайших лип, посаженных еще в конце XVIII века. Дом наш сохранился, но запах лип давно сменился запахом бензина с Садового кольца.

Сейчас часто пишут, что шум в Москве возрос, но это неверно! Гула и шума в те годы в Москве было гораздо больше. Ведь асфальтового покрытия не существовало, по мощенной булыжником мостовой с самого раннего утра стучали бесчисленные повозки: везли бочки с водой, так как уже за Садовым кольцом водопровод был далеко не во всех домах; везли обильное тогда продовольствие на Смоленский рынок

³ Алексей (Молчанов Алексей Васильевич; 1853–1914) — архиеп. Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. Окончил КазДА, магистр богословия (1888); законоучитель в казанских гимназиях (1887–1899).

Дом на
Смоленской
площади.
Открытка
начала XX в.

и в магазины; спешили извозчики с седоками; везли и бочки с разнообразными отходами.

Громко цокали подковами лошади, которых в детстве я очень любил, звенели трамваи, гудели машины — грузовые и легковые, «Форды», «Рено», пассажирские автобусы. И весь этот шум ежедневно в утренние и вечерние часы сливался с колокольным звоном окружавших наш дом церквей. Тех, звон из которых доносился до моего дома, было восемь: Покрова в Левшине, Святой Троицы на Пречистенке, «Неопалимой Купины», «Знамения» в Зубове, Успения на Могильцах, Святой Троицы на Арбате, Смоленской Божией Матери и святого Власия. Сейчас из них уцелели здания только двух храмов — Успенского и Власьевского, остальные давно снесены.

На мое воспитание огромное влияние оказало церковное искусство, и прежде всего пение. Я на всю жизнь полюбил оперу благодаря тому, что с младенческих лет постоянно слушал замечательные московские церковные хоры. Колокольный звон — моя первая колыбельная музыка. Живопись храмов привила в дальнейшем любовь и к хорошей светской живописи. Я рос в эпоху, когда еще не родилось телевидение, у нас дома был только маленький черный ящик — радиоприемник: pokrutyshь ручку, в наушниках что-то запоет — и всё.

Примерно лет до тринадцати-четырнадцати церковные службы заменяли мне и театр, и оперу, и картинные галереи — все светское искусство. В кино я в детстве почти не бывал и остался равнодушным к нему на всю жизнь. Зато всегда, будучи уже взрослым, артистом, я посещал

Калужская
площадь
в Москве
(вид с храма
Казанской иконы
Божией Матери).
Фото 1920-х гг.

именно те приходы, где был хороший хор, сохранив на всю жизнь благоговейную любовь к церковной проповеди и чарующему душу пению. Церковное искусство ценю очень высоко, оттого-то я так болезненно воспринимал в детстве разрушение большевиками-атеистами храмов, уничтожение икон, снятие колоколов.

С детства пробудилась во мне ненависть к коммунистам, прежде всего за беспрецедентное преследование религии, за уничтожение красоты. Еще задолго до массового закрытия храмов в Москве (в 1931–1932 годах), в 1925 году было организовано общество «Союз воинствующих безбожников» под руководством Е. Ярославского¹, стала издаваться газета «Безбожник». Свидетель разгрома Православной Церкви в СССР, я счастлив, что дожил до времени ее возрождения. После августа 1991 года я часто встречал своих единомышленников, верующих людей, возгласом «Христос воскрес!» И я счастлив, что могу написать это!..

Толя Свенцицкий во дворе
дома № 19 по Б. Левшинскому
переулку. Фото 1920-х гг.

¹ Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич; 1878–1943) — член ЦК (1921–1922), член Президиума и секретарь ЦКК ВКП(б) (1923–1934); руководил антирелигиозной пропагандой.

Б. Левшинский
переулок.
Фото 2008 г.

Яркими воспоминаниями моего детства были московские православные похороны. В детстве я часто болел и многие дни проводил в кровати, стоявшей напротив окна. И почти каждое утро — похоронные процессии. Их я боялся. Да и как было не бояться?.. Лежишь и вдруг: цок, цок, цок... Особый звук копыт по мостовой: четкий, медленный... Закрою глаза и как сейчас вижу: я лежу в постели и о чем-нибудь думаю, или дедушка Андрей читает мне книжку, папа на работе, мама «руководит» домработницей, вечно что-то убирают, хотя в квартире и так чистота... И тут: цок, цок, цок... Везут. Как замороженный, смотрю на медленно возникающие в окне лошадиные морды с добрыми, усталыми глазами. Обычно это были старые красивые лошади, списанные из кавалерии или из конюшен ипподромов.

«Пара гнедых, запряженных с зарею...» Тогда я не знал стихотворения Апухтина и не слышал знаменитого романса¹, а просто видел его наяву. Я смотрю, затаив дыхание... Лошади покрыты белыми кружевными накидками с бахромой, на их лбах — белые стоячие кисти, а иногда и страусовые перья, возле розовых лошадиных губ узда украшена с двух сторон большими белыми резиновыми кругами. И вот, вижу английскую упряжку без дуги, редкую тогда в Москве, — обычные «транс-

¹ Романс создан в 1870-х гг.; слова Алексея Николаевича Апухтина (1840–1893) являются вольным переводом романса «Pauvres Chevaux», написанного на французском языке русским поэтом С. И. Донауровым (1839–1897); музыку написал пианист, дирижер и композитор Яков Федорович Пригожий (1840–1920).

Окрестности
Дорогомиловского моста
(вид в сторону
Пресни).
Фото
начала XX в.

портные» упряжки, включая извозчичьи, были русские, с обязательной дугой. В катафалк, на который ставили гроб, впрягли одну лошадь, пару, четверку, шестерку, а иногда, как на похоронах Л. В. Собинова², и восьмерку лошадей.

В 1920-х годах похороны в основном были церковными, до 1934 года это не считалось зазорным и никакими «последствиями» по службе родным покойного не грозило. В церквях отпевали и видных профессоров, и артистов — Г. Н. Федотову³, М. Н. Ермолу⁴, А. И. Южину⁵, других.

По Большому Левшинскому переулку пролегал ближайший путь на Дорогомиловское кладбище, процессии мимо окон нашей квартиры обычно проходили в 11–13 часов дня. Гроб на высокой колеснице везли лошади, но провожать покойника было принято пешком, лишь пожилые ехали за гробом на извозчиках. От нашего дома по узкому, мощенному булыжником проезду процессия направлялась к Садовому кольцу, пересекала его, шла к 1-му Неопалимовскому переулку,

² Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) — выдающийся оперный певец, солист Императорских театров и театра Ла Скала, нар. арт. Республики (1923), директор Большого театра.

³ Федотова Гликерия Николаевна (1846–1925) — актриса московского Малого театра.

⁴ Ермолова Мария Николаевна (1853–1928) — актриса, засл. арт. Императорских театров, нар. арт. Республики (1920). Герой труда (1924).

⁵ Южин (наст. фам. Сумбатов) Александр Иванович (1857–1927) — актер, драматург, театр. деятель. С 1882 г. в московском Малом театре. Нар. арт. Республики (1922).

Б. Дорогомиловская улица.
Фото 1931 г.

потом через Плющиху и по 2-му Ростовскому переулку (который в моем детстве называли Кладбищенским) выходила на Дорогомиловский мост и далее на Большую Дорогомиловскую улицу к месту «вечного упокоения» — на Дорогомиловское кладбище.

Мимо наших окон проходила дорога из близлежащих храмов и на другие кладбища: Ваганьковское, Новодевичье, тогда еще не снесенное и расположенное внутри стен Новодевичьего монастыря, где сегодня оставлены лишь могилы известных деятелей: Вл. Соловьева¹, генерала Брусилова², А. Писемского³, А. Плещеева⁴ и некоторых других.

...Смотрю в окно. Сегодня только пара лошадей. С обеих сторон идут два катафальщика. Они в не первой свежести серебристых цилиндрах и в не очень чистых балахонах. Третий катафальщик правит лошадьми. Лица у них подобающе печальные. Вот и сам белый катафалк на четырех огромных колесах, розоватый гроб покрыт парчовым покрывалом, закрытый. Розовый цвет означает, что усопшая — девица и, очевидно, молодая. В Москве уже тогда было запрещено возить открытые гробы.

¹ Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) — выдающийся русский философ, поэт, публицист, литературный критик; сыграл значительную роль в развитии русской философии.

² Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — военачальник, генерал от кавалерии (1912); в Первую мировую войну — главком Юго-Западного фронта (1916), с его именем связано успешное летнее наступление русских войск (Брусиловский прорыв). С 1920 г. в Красной армии, инспектор кавалерии (1923–1924).

³ Писемский Алексей Феофилактович (1821–1881) — писатель; в романе «Тысяча душ» (1858) создал картину русской жизни предреформенной поры.

⁴ Плещеев Алексей Николаевич (1825–1893) — поэт некрасовской школы; в 1849 г. за участие в кружке М. В. Петрашевского приговорен к 10-ти годам ссылки.

Несмотря на малый возраст, я уже понимал, что данные похороны — рядовые и средства на них потрачены средние; покрывало взято напрокат в церкви и за него также заплачена средняя цена. За катафалком рядами медленно идут провожающие, а за ними — две извозчичьи пролетки, один возница чернобородый, в линялой поддевке, второй — молодой, безусый, в поддевке синего цвета. Возницы сдерживают лошадей, не привыкших к такой медленной езде и то и дело фыркающих. В одной из подержанных пролеток сидит полноватая дама в черном, в фетровой серой шляпке, ее глаза полны слез. Кто она? Мать? Бабушка?.. Процессия скрывается.

Через несколько минут мелкой рысцой проезжает отец Стефан, настоятель храма Покрова в Левшине. Его густые каштановые волосы подстрижены, борода элегантна. Он еще молодой, интеллигентный священник, беженец из Варшавы, воспитанник Варшавской Духовной академии. Участвовать в похоронных процессиях духовенству уже было запрещено и допускалось лишь с особого разрешения (правда, тогда это касалось только Москвы и Ленинграда).

Дорогомиловское кладбище — исконное кладбище нашего Пречистенского благочиния (о Пречистенском «сороке» впереди особая глава) — оказалось недолговечным местом «вечного упокоения». С 1940 года его начали сносить, а к 1946 году на месте русского и еврейского кладбищ уже высились многоэтажные дома. Для перезахоронений по желанию родственников и новых погребений в Востряковском лесу отвели участки для двух новых кладбищ — еврейского и русского. К чести евреев, замечу, что очень многие из них перенесли прах своих предков, из русских же — единицы... Ведь все это происходило во время войны, в 1942 году, когда шло наступление на Сталинград, и переносить истлевшие родные кости многим казалось странным, ненужным и даже циничным, да и стоило это очень дорого. У меня на русском Дорогомиловском кладбище был похоронен дед — Андрей Степанович Незым. На присланную дирекцией кладбища в феврале 1942 года открытку с предложением перенести прах деда мои родители ответили отказом: отец считал это безнравственным, когда на фронте гибнут миллионы. Вопрос, конечно, спорный, я думаю, при всех обстоятельствах прах надо было перенести.

...Дома неотвратимо наступали на кладбище. В 1946–1947 годах в одной из тех новостроек мне часто случалось бывать. И когда поздними зимними вечерами я выходил из квартиры своей бывшей одноклассницы Инны Гимпельсон, дочери известного московского врача²,

² Гимпельсон Дмитрий Израилевич — главврач московского роддома № 15.

Реконструкция
Арбата.
Фото 1920-х гг.

казалось, что ветер, завывая в стенах полуразрушенного храма преподобной Елисаветы¹, поет свою унылую песнь тем, чей прах еще не потревожен, но уже обречен, кого еще не коснулся бульдозер строителей, кого, как и моего деда, не перенесли на другое кладбище, над кем нет теперь ни креста, ни памятника и от кого скоро не останется и праха. Многие и сегодня помнят своих близких, погребенных здесь, скорбят, что лишены возможности навещать их могилы.

В 1948 году храм святой Елисаветы окончательно сломали и Дорогомиловское кладбище полностью застроили многоквартирными домами. В одном из них, построенном на русском участке, жил Л. И. Брежнев, о чем извещала мемориальная доска, ныне уничтоженная. Не знаю, спокойно ли спалось генсеку на кладбищенской земле, на месте разрушенного храма, поруганных могил гренадеров 1812 года (к Кутузовской избе перенесен лишь обелиск, но, конечно же, не их прах).

Дорогомиловская дорога была частью сталинского пути из Кремля на дачу в Кунцеве... Предварял ее старый Арбат, где через сто шагов друг от друга, сменяясь, день и ночь дежурили «личности в штатском». Они охраняли дорогу, по которой проезжал вождь (летело несколько машин, и в каждой мог сидеть «он»). Когда именно «отец народов»,

¹ Храм во имя прп. Елисаветы на Дорогомиловском кладбище основан в 1772 г., каменная церковь построена в 1839 г., главный престол — Спаса Нерукотворного образа, приделы Владимирской иконы Божией Матери и св. Елисаветы.

как легендарный призрак, пронесился по Большой Дорогомиловской улице, никто не знал, но что это происходило часто — знали все не только в Москве, но и во всей стране.

Представим себе, что в одну из таких летних предвоенных поездок Сталин чуть приоткрыл шторку в машине и увидел белые ворота Дорогомиловского кладбища, кресты, церковь святой Елисаветы. Он быстро задернул шторку окна: генсек был всесилен, мог все, но... боялся смерти. А быть может, дело происходило ранним утром и Сталин увидел на паперти Преображенского собора чуть приметные сквозь стекла машины крышки от гробов. В соборе были покойники!

Сталин хотел бессмертия личного, бессмертия для себя. Но он старел, чувствовал приближение смерти, стал забираться в подземелья, никому не доверять. Сталин никогда не был «рыцарем революции» — он был смертельным трусом. И вот одного его взгляда, намек было достаточно для принятия решения о сносе кладбища на дорогомилловской дороге: смерть не должна быть видна.

И вот, в августе 1939 года дорогомилловский Преображенский собор, имевший восемь приделов и по вместимости второй в Москве после взорванного в 1931 году Храма Христа Спасителя, также был разрушен. Вместо него на углу Большой Дорогомиловской улицы и 2-го Брянского переуллка построен мрачноватый многоквартирный дом — генеральский, как его назвал народ. С этого дома началась застройка Дорогомиловского шоссе, переходящего теперь в Кутузовский проспект.

Бородинский мост и Смоленский метромост на Москве-реке. Фото 1979 г.

С середины 1930-х годов в Москве были окончательно запрещены похороны-процессии. Смерть как бы заставили отступить, отказав ей в торжественности. Теперь гробы мчались в машинах, исполняя вместе с живыми бесконечную пляску многомиллионного города; лошади же исчезли с улиц совсем. Похороны были их последней работой.

Чехов А. П. — 210, 266, 290
 Чиннов Георгий, прот. — 42, 75, 116, 136, 153, 197, 210, 218–219, 229, 236, 245,
 247, 249–258, 359, 370–373
 Чиннов Николай, прот. — 370
 Чмелев Я. А. — 174
 Чуканов — 312

Ш

Шавров В. М. — 62, 74, 194
 Шаляпин Ф. И. — 27–28, 45, 73, 158, 228
 Шаповаленков Виктор, о. — 351–352
 Шаргунов Александр, прот. — 157
 Швец К., бывш. свящ. — 162
 Шер В. В. — 100
 Шер О. В. — 100
 Шик Михаил, свящ. — 179
 Ширинские-Шихматовы — 241
 Шкаровский М. В. — 128
 Шпет Г. Г. — 228
 Шпиллер Всеволод, прот. — 152
 Шумей Ю. Ф. — 146

Щ

Щепкин М. С. — 26, 51, 110, 142, 289, 357
 Щипачев С. П. — 32
 Щукин Б. В. — 375
 Щукин Сергей, прот. — 229

Э

Энгельс Ф. — 39, 336, 375
 Эндека Александр, прот., обновленец — 63, 73

Ю

Юдин С. П. — 28
 Южин (Сумбатов) А. И. — 19, 357
 Юрасов Николай, прот. — 299–301

Я

Яблочкина А. А. — 25
 Ягода Г. Г. — 309
 Ягодин Василий, прот., сщмч. — 66
 Ярославский Е. М. (Губельман М. И.) — 17, 40–42, 143, 149
 Ясов В. Н. (Бальцев) — 3, 374, 409
 Ястребов В., прот. — 98

Содержание

От издательства	4
Памяти Анатолия Борисовича	8
<i>Часть первая. Трудные годы</i>	11
Детские впечатления	13
Роковые 1920-е...	35
«Суди меня, судья неправедный!»	43
Обновленцы	54
«Третий путь»	81
Протоиерей Валентин Свенцицкий (1881–1931)	95
Скорбный список потерь	112
Великий перелом в Русской Православной Церкви	135
<i>Часть вторая. Церковная Москва</i>	171
Храмы Пречистенского «сорока» (благочиния)	173
Священномученик Александр Зверев	263
Священномученик Сергей Успенский	267
Московские протоиереев	273
Невидимые нити...	289
<i>Часть третья. Храмы России</i>	295
Троице-Лыково	297
Дмитров. Лопатино	302
Лето 1934 года. Село Белоомут	311
Предвоенные годы. Война	327
Церковное возрождение	332
Владимир	337
Архангельск	348
Сочи	353
Протоиерей Евгений Барщевский	356
На гастролях	360
Храм моей жизни — Успения Пресвятой Богородицы на Могильцах — XX век	369
Приложения	383
Указатель	413

Религиозно-просветительское издание

Анатолий Борисович Свенцицкий

НЕВИДИМЫЕ НИТИ

Заведующая редакцией

духовно-просветительской литературы *Т. Тарасова*

Редакторы *Е. Полищук, А. Боровик*

при участии *С. Черткова* и *В. Скрябиной*

Технический редактор *З. Кондрашова*

Корректоры *А. Григорьев, Е. Пятаева*

Художник *Д. Бикашов*

Верстка *В. Домогацких*

Автор комментариев

и составление указателя *Е. Полищук*

Издание осуществлено при финансовой поддержке

ОАО «Федеральная Фондовая корпорация»,

протоиерея Леонида Калинина, И. В. Костровой

Подписано в печать 30.04.2009

Формат 70 × 100/16. Гарнитура Newton.

Бумага офсет 70 г. Объем 27 п. л.

Печать офсетная.

Тираж 5000 экз.

Заказ №

Издательство Московской Патриархии

119435, Москва, Погодинская ул., 20, корп. 2

Оптовый отдел реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин: (499) 245-30-68

E-mail: books@rop.ru